ЭКОНОМИКА / ECONOMY

https://doi.org/10.30766/2072-9081.2024.25.6.1191–1204
УДК 330.112.2 + 338.432

Теневая экономика в сельском хозяйстве и специфика ее измерения

© 2024. С. В. Киселев, С. К. Сеитов✉, В. А. Самсонов, И. В. Филимонов
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация

Несмотря на обширный перечень работ, посвященных анализу теневой экономики, отсутствует методика определения ее масштабов на уровне региона и отдельного вида деятельности по Общероссийскому классификатору ОКВЭД 2. Настоящая работа нацелена восполнить этот пробел, показывая существующие методы учета теневой экономики в сельском хозяйстве. Цель – выявить масштабы теневой экономики в сельском хозяйстве на региональном уровне в России. Новизна состоит в разработке и применении методики оценки теневой экономики в сельском хозяйстве по регионам России. Использован экономико-статистический метод, метод досчета, картографический. Эмпирическая база сформирована на основе официальной статистики. В результате использования авторской методики установлено, что в абсолютном большинстве регионов наблюдается умеренный уровень теневых операций юридических лиц по разделу А согласно Общероссийскому классификатору. Причем уровень дифференциации низок. Лишь в Чукотском автономном округе, Челябинской, Брянской, Липецкой областях и Республике Марий Эл отмечается более высокий уровень данного показателя. В целом в 2017–2022 годах наблюдается тренд сокращения доли теневых операций юридических лиц в валовой добавленной стоимости (ВДС) раздела А «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» в регионах России. Он во многом достигается благодаря внедрению федеральных государственных информационных систем, затрудняющих теневой оборот. Вместе с тем при интерпретации результатов важно делать поправку на то, что применение нашей методики может приводить к занижению масштабов теневой экономики, поскольку она не учитывает ее среди сельскохозяйственных организаций, относящихся к субъектам малого предпринимательства, а также среди крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей.

Ключевые слова: *масштабы теневой экономики, метод досчета, валовая добавленная стоимость, сельскохозяйственное производство, сельскохозяйственные организации, регионы*

***Благодарности*:** работа выполнена без финансового обеспечения в рамках инициативной тематики.
Авторы благодарят рецензентов за их вклад в экспертную оценку данной работы.

***Конфликт интересов*:** авторы заявили об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Киселев С. В., Сеитов С. К., Самсонов В. А., Филимонов И. В. Теневая экономика в сельском хозяйстве и специфика ее измерения. Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2024;25(6):1191–1204.
DOI: https://doi.org/10.30766/2072-9081.2024.25.6.1191-1204

Поступила: 25.06.2024 Принята к публикации: 05.12.2024 Опубликована онлайн: 25.12.2024

Shadow economy in agriculture and specifics of its measurement

© 2024. Sergey V. Kiselev, Sanat K. Seitov✉, Valery A. Samsonov, Ilya V. Filimonov
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Despite the extensive list of works devoted to the analysis of the shadow economy, the issue of determining its scale at the regional level and a separate type of activity (according to the All-Russian Classifier OKVED 2. has not been resolved. This work aims at filling this gap by showing existing methods of accounting for the shadow economy in agriculture. The aim is to identify the scale of the shadow economy in agriculture at the regional level in Russia. The novelty lies in the development and application of a methodology for assessing the shadow economy in agriculture in the Russian regions. The paper uses economic and statistical, calculation, cartographic methods. The paper forms empirical basis on the official statistical data. As a result of using the authors' methodology, the study finds that in the absolute majority of regions there is a moderate level of shadow transactions of legal entities in section A according to the All-Russian Classifier. Moreover, the level of differentiation is low. Only in Chukotka Autonomous Okrug, Chelyabinsk, Bryansk, Lipetsk regions, Mari El Republic there is a higher level of shadow transactions. In general, in 2017–2022 there is a trend towards a reduction in the share of shadow transactions of legal entities in the gross value added (GVA) of section A "Agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming" in the regions of Russia. It is largely achieved thanks to the introduction of federal government information systems that make shadow turnover difficult. At the same time, when interpreting the results, it is important to make an adjustment for that our methodology may underestimate the scale of the shadow economy, since it does not consider agricultural organizations that are small business entities, as well as peasant farms and individual entrepreneurs.

Keywords: *scale of shadow economy, calculation method, gross value added, agricultural production, agricultural organizations, regions*

***Acknowledgements*:** the work was done without financial support in the framework of the initiative topics
The authors thank the reviewers for their contribution to the peer review of this work.

***Conflicts of Interest*:** the authors stated that there was no conflict of interest.

***For citation*:** Kiselev S. V., Seitov S. K., Samsonov V. A., Filimonov I. V. Shadow economy in agriculture and specifics of its measurement. *Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka* = Agricultural Science Euro-North-East. 2024;25(6):1191–1204. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30766/2072-9081.2024.25.6.1191-1204

Received: 17.05.2024 Accepted for publication: 05.12.2024 Published online: 25.12.2024

Многочисленные публикации посвящены описанию методов измерения теневой экономики в экономике в целом – как на национальном, так и региональном уровнях. Между тем работ, раскрывающих отраслевую специфику учета теневой экономики, в литературе не так много.

А. Г. Светлаков, Н. И. Ширинкина [1] создали методику оценки уровня криминализации агропромышленного комплекса (АПК) на примере региона. Новизна их работы заслуживает внимания исследователей, однако она выходит за рамки настоящей статьи. Это объясняется тем, что «криминальная» теневая экономика остается за пределами нашего рассмотрения в связи с трудностями ее практического измерения по российским данным.

Е. Н. Якубович [2] формулирует предпосылки возникновения и развития теневой экономики в аграрной сфере, в числе которых указал наличие скрытого натурального оборота продукции. Ученый отмечает наличие статистических искажений, одна часть из которых неизбежна и вытекает из действующей практики учета затрат на предприятиях, а другая является результатом манипуляций с целью ухода от налогов или сокрытия хищений.

По мнению В. М. Троценко [3], причиной того, что большинство денежных операций не контролируется налоговыми органами, является отсутствие четко продуманной в перспективе на длительный срок государственной политики путем регулирования рыночных отношений, налогообложения и кредитования сельского хозяйства. А. Г. Светлаков, Б. А. Воронин, Я. В. Воронина [4] добавляют, что такая ситуация возникла в связи с сильной криминализацией в аграрной сфере.

Указанные проблемы требуют своего решения на региональном уровне. Но перед этим необходима количественная оценка масштабов явления.

Данная статья придерживается терминологии Росстата, согласно которой понятия *теневой, нелегальной и ненаблюдаемой* экономической деятельности не тождественны друг другу, имея разный смысл.

Теневая (скрытая) экономическая деятельность включает в себя в большинстве случаев законную экономическую деятельность, которая скрывается или преуменьшается с целью уклонения от уплаты налогов, социальных взносов или выполнения определенных административных обязанностей или предписаний по охране труда, соблюдению санитарных и других норм[1]. Объектом исследования данной статьи выступает именно *теневая (скрытая) экономическая деятельность.*

Нелегальная экономическая деятельность является незаконной, то есть она охватывает те виды производства товаров или услуг, которые прямо запрещены существующим законодательством. В настоящее время к таким видам деятельности относятся, например, производство и продажа наркотиков, производство и продажа в обход установленных правил оружия, проституция, контрабанда[2].

Ненаблюдаемая экономическая деятельность – часть национальной экономики, включающая виды экономической деятельности, которые не могут быть оценены на основании прямых методов государственного статистического наблюдения, и представляющая собой совокупность теневой (скрытой), неформальной и незаконной экономической деятельности[3].

Цель исследований – выявить масштабы теневой экономики в сельском хозяйстве на региональном уровне в России.

Новизна исследований – разработка и апробация методики оценки теневой экономики в сельском хозяйстве по регионам России.

[1]Федеральная служба государственной статистики. Методологические положения по статистике (выпуск 2, 1998 г.). 1.1.2. Понятие скрытой и неформальной экономической деятельности. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d010/i010020r.htm (дата обращения: 03.11.2024).
[2]Там же.
[3]Там же.

Материал и методы. *Обзор методов измерения масштабов теневой экономики в сельском хозяйстве.* Большинство публикаций посвящено методам измерения теневой деятельности в экономике в целом – как на национальном, так и на региональном уровнях [5, 6, 7, 8]. Вместе с тем в литературе не хватает работ с привязкой методов ее измерения к отдельным отраслям, в частности к сельскому хозяйству.

Отраслевая специфика сельского хозяйства накладывает ограничения при анализе масштабов теневой экономики и необходимость применения особых методов для их преодоления.

Теневая экономика в сельском хозяйстве имеет свои специфические особенности. Широкое распространение наличных расчетов затрудняет контроль за денежными потоками. Высокий уровень сезонной занятости содействует участию сельчан в теневой экономике. Наличие большого количества незарегистрированных предприятий и фермерских хозяйств осложняет контроль за хозяйственной деятельностью.

В условиях недостатка данных о стоимостных объемах производства в растениеводстве можно обращаться к информации о посевных площадях, урожайности, ценах и затратах. Сведения о посевных площадях можно получать по результатам космического мониторинга земель или аэрофотосъемки, статистические данные об урожайности – с помощью обследований валового сбора, информацию о затратах – на основе выборочных обследований сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств К(Ф)Х. Зная не только объемы затрат (промежуточного потребления), валовой продукции, но и цены, можно определять величину валовой добавленной стоимости.

Статистика численности поголовья скота по состоянию на определенные даты за выбранный период полезна для анализа производства животноводческой продукции.

Балансы основных продовольственных ресурсов дают вспомогательную информацию при анализе объемов производства продукции. Их можно использовать при нехватке исходных данных [9].

Сельское хозяйство среди всех отраслей экономики выделяется очень высокой долей производства в неформальном секторе (в личных подсобных хозяйствах). Так, в России в 2022 г. корректировка валовой добавленной стоимости (ВДС) на операции неформального сектора экономики и на производство домашних хозяйств для собственного конечного использования составляла 25,7 % от ВДС раздела А ОКВЭД 2[4]. Лишь деятельность по операциям с недвижимым имуществом превышает в разделе А Общероссийского классификатора ОКВЭД 2 упомянутый показатель (68,1)[5]. Обследования доходов и расходов обеспечивают данные о производстве домашних хозяйств для собственного конечного использования и для реализации на рынке.

Обобщая все подходы, масштабы теневой экономики в сельском хозяйстве можно измерить с помощью следующих методов:

1. Опросы руководства сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств об объемах их теневой деятельности и/или об их представлениях о распространенности теневой экономики в сельском хозяйстве. Естественно, с учетом такой темы респонденты будут склонны к уклонению от ответов или предоставлению информации, далекой от истины [10]. Поэтому для повышения достоверности ответов респондентам заявляется другая цель опроса, не связанная с темой теневой экономики. Анкета может начинаться с общих вопросов, касающихся, например, удовлетворенности работой правительства или налоговой политикой, а затем переходить к вопросам, на основе которых можно определить долю теневой экономики в экономической деятельности хозяйствующих субъектов [11].

2. Аудит налогоплательщиков с целью оценки незадекларированных налогооблагаемых доходов. Однако существует риск получения нерепрезентативных оценок при формировании выборки, в которую могут попасть, например, только недобросовестные налогоплательщики, или наоборот [12].

3. Анализ статистических данных о доходах и расходах фермерских хозяйств и предприятий, чтобы выявить расхождения между официальными и неофициальными показателями.

4. Мониторинг рынка труда и занятости для выявления доли неофициальной занятости и сезонной работы.

[4]Федеральная служба государственной статистики. Национальные счета. Валовой внутренний продукт. Произведенный ВВП. ВДС годы ОКВЭД2 (с 2011 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 03.11.2024).

[5]Там же.

5. Исследование налоговых отчетов и деклараций предприятий, чтобы выявить расхождения между официальными и неофициальными доходами.

6. Анализ расхождений между статистическими показателями, публикуемыми разными организациями и ведомствами. В частности, это могут быть расхождения между объемами прибыли (согласно данным Росстата и Федеральной налоговой службы), валовым сбором культур, площадями сельскохозяйственных угодий, пахотных земель и т.д.

7. Сопоставление объемов сырья и выхода готовой продукции, прослеживание цепочки товарно-денежных потоков от покупки сырья и производства продукции до конечной реализации.

8. Использование данных дистанционного зондирования Земли для выявления скрытых посевных площадей. Некоторые фермеры возделывают больше земли, чем показывают в отчетности, и полученная продукция сбывается за наличные деньги. При этом достигается экономия на налогах на оплату труда – за счет заработных плат «в конвертах». В дополнение можно сравнивать данные, содержащиеся в различных источниках: в Единой федеральной информационной системе о землях сельскохозяйственного назначения и землях; Едином государственном реестре недвижимости; Федеральной системе территориального планирования.

9. Применение модельного подхода, в частности модели MIMIC (*Multiple Indicators and Multiple Causes*), позволяющей на основе косвенных показателей оценить ненаблюдаемый фактор.

10. Подход, основанный на анализе объемов потребления электроэнергии [13]. Фактический объем потребления электроэнергии сравнивается с предполагаемым уровнем ее использования при заданном уровне выпуска. В соответствии с этим подходом, соотношение потребления электроэнергии и выпуска можно оценить эконометрически, и отклонения от него отнести к теневой экономической деятельности.

11. Анализ расхождений между значениями потребления продовольствия, рассчитанными с применением балансового метода, и значениями, полученными на базе выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств. В частности, превышение потребления овощей и картофеля, рассчитанного с применением балансового метода, над соответствующими показателями, полученными с помощью выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, может быть вызвано завышением балансового производства овощей и картофеля в хозяйствах населения России[6]. При этом для целей сопоставимости необходимо предварительно вычитать из балансовых данных объем потребления коллективных домохозяйств (больниц, детских домов и т.д.) и объем питания вне дома (в столовых, ресторанах и т.д.).

Из вышепредставленных методов к прямым относятся только опросы хозяйствующих субъектов и аудит налогоплательщиков. Оба метода трудоемки, причем первый сопряжен с риском утаивания или намеренного искажения информации респондентами. В этой связи в рамках данной статьи предпочтение отдается косвенным методам измерения теневой экономики.

Е. Н. Невзорова, А. П. Киреенко, И. А. Майбуров [7] приводят результаты расчетов доли теневых операций в регионах по отношению к валовому региональному продукту (ВРП). Авторы исходят из допущения, что в рамках одного раздела ОКВЭД масштаб теневых операций по регионам не различается. Поэтому для получения показателя достаточно провести корректировку ВДС на операции юридических лиц. На наш взгляд, указанное допущение может сильно искажать реальные данные. Оно не учитывает региональные различия в уровне теневой экономики. В частности, не принимаются во внимание показатели, которые могут влиять на масштабы теневой экономики – затраты и оборот. Хозяйствующие субъекты с целью уменьшения налогооблагаемой базы занижают объем оборота и завышают объем затрат.

Особого внимания заслуживает методология Росстата, принятая за основу в рамках данного исследования. Методика расчета выпуска ненаблюдаемой экономической деятельности представлена в Приказе Росстата от 21.12.2023 № 676[7]. По растениеводству и животноводству учет теневого производства осуществляется по результатам Всероссийской сельскохозяйственной переписи путем соотнесения информации из федерального статистического наблюдения и переписи. Отчетность Росстата основана

[6]Белугин А. Ю. Продовольственная безопасность Российской Федерации и ее измерение в современных условиях: дис. … канд. экон. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. 186 с.

[7]Приказ Росстата от 21.12.2023 № 676 «Об утверждении Официальной статистической методологии расчета объемов ненаблюдаемой экономической деятельности при формировании валового внутреннего продукта Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstata-ot-21122023-n-676-ob-utverzhdenii-ofitsialnoi/ (дата обращения: 01.11.2024).

на использовании коэффициента досчета, и на основе полученных с помощью этой корректировки результатов делается вывод о масштабах теневой экономики.

В то же время в упомянутом Приказе Росстата по разделу А ОКВЭД 2 информация о расчете как ненаблюдаемой деятельности в целом, так и теневой ее составляющей представляется скудной. И это связано не с нежеланием органов государственной статистики предоставлять такие данные, а с трудностью их получения. Зато по другим разделам ОКВЭД 2 методика расчета наполнена более содержательными выкладками – например, по разделу С ОКВЭД 2 «*Обрабатывающие производства*». Он нам интересен тем, что *производство пищевых продуктов* (как известно, использующее в качестве сырья продукцию сельского хозяйства) входит в его состав. Кратко опишем методику определения *доли теневых операций юридических лиц в валовой добавленной стоимости по i-му виду деятельности (λ_i) на общероссийском уровне*, осуществляемую Росстатом в *четыре этапа*. Под видом деятельности в данном случае понимается раздел С ОКВЭД 2.

На *первом этапе* вычисляется отношение начисленной суммы налога на добавленную стоимость (НДС) к выпуску товаров и услуг в экономике[8]:

$$K_{VAT} = \frac{\mathrm{VAT}}{O_{lm}}, \quad (1)$$

где K_{VAT} – отношение начисленной суммы НДС к выпуску товаров и услуг в экономике; VAT – объем начисленной суммы НДС (руб.); O_{lm} – выпуск товаров и услуг в экономике (руб.).

На *втором этапе* определяется доля выпуска товаров и услуг по разделу С ОКВЭД 2 в общем объеме выпуска по экономике[9]:

$$shO^C = \frac{O^C_{lm} + SHT^C_{lm}}{(O_s + SHT_s)}, \quad (2)$$

где O^C_{lm} – выпуск товаров и услуг организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, по разделу С ОКВЭД 2 (руб.); SHT^C_{lm} – стоимость отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) малыми предприятиями (включая микропредприятия) по разделу С ОКВЭД 2 (руб.); O_s – выпуск товаров и услуг организациями, не относящимися к субъектам малого предпринимательства, в целом по экономике (руб.); SHT_s – стоимость отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) малыми предприятиями (включая микропредприятия) по экономике в целом (руб.).

На *третьем этапе* определяется объем теневых операций юридических лиц[10]:

$$O^{lms}_H = \frac{VAT_{add} \times shO^C}{k_{VA}} \quad (3)$$

где O^{lms}_H – объем теневых операций юридических лиц (руб.); VAT_{add} – объем платежей по НДС, дополнительно начисленных налоговыми органами по результатам выездных и камеральных проверок (руб.); shO^C – доля выпуска товаров и услуг организаций по разделу С ОКВЭД 2 в общем выпуске по экономике; k_{VA} – отношение суммы НДС, подлежащей перечислению в бюджет, и выпуска товаров и услуг по экономике.

На *четвертом этапе* определяется ключевой для нашей методики показатель – доля теневых операций юридических лиц в валовой добавленной стоимости по *i*-му виду деятельности (по разделу С ОКВЭД 2) в году *t* в масштабах РФ:

$$\lambda_{it} = \frac{O^{lms}_H}{VA_{it}}, \quad (4)$$

где λ_{it} – доля теневых операций юридических лиц в валовой добавленной стоимости по *i*-му виду деятельности (по разделу С ОКВЭД 2) в году *t* в масштабах РФ; O^{lms}_H – объем теневых операций юридических лиц (руб.); VA_{it} – валовая добавленная стоимость *i*-го вида деятельности в году *t* в масштабах РФ (руб.).

Под коэффициентом λ_{it} можно понимать публикуемый Росстатом показатель, а именно *корректировку валовой добавленной стоимости на теневые операции юридических лиц (в % к валовой добавленной стоимости по i-му виду деятельности)*[11].

[8]URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstata-ot-21122023-n-676-ob-utverzhdenii-ofitsialnoi/ (дата обращения: 01.11.2024).
[9]Там же.
[10]Там же.
[11]Федеральная служба государственной статистики. Национальные счета. Валовой внутренний продукт. Произведенный ВВП. ВДС годы ОКВЭД2 (с 2011 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 02.11.2024).

Методологию Росстата мы применяем для оценки масштабов теневой экономики в отраслях в региональном разрезе. В итоге появляется возможность сравнения разных регионов России по уровню теневой экономики, выделения из них «лидирующих» и «проблемных».

В ходе исследования мы частично опираемся на методологию Росстата и под «*теневой экономикой*» подразумеваем объем выпуска теневых операций юридических лиц. Анализ проводили по сельскохозяйственным организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства, средняя численность работников которых превышает 15 человек. При расчете объемов теневого производства не учитывался объем выпуска скрытого производства индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица, что объясняется отсутствием данных.

В данном исследовании для оценки объема теневых операций юридических лиц мы использовали корректировку валовой добавленной стоимости на теневые операции юридических лиц (в % к валовой добавленной стоимости раздела А ОКВЭД 2 «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»)[12]. Методика расчета изложена в работе [14]. Ее отличие от методологии Росстата состоит в учете показателей, с помощью которых можно скорректировать масштабы теневой экономики в зависимости от субъектов РФ. К таким показателям мы относим затраты и оборот сельскохозяйственных организаций, опираясь на предпосылку о том, что они с целью уменьшения налогооблагаемой базы занижают в своей отчетности данные об обороте и завышают о затратах. Кроме того, нередки случаи, когда сельскохозяйственные организации прибегают к незаконным схемам по возмещению НДС. Одной из причин, по которой юридические лица ведут теневую деятельность в сельском хозяйстве, является стремление к получению преимущества над конкурентами, которые соблюдают налоговое законодательство[13].

В качестве исходных данных по затратам на производство продукции растениеводства и животноводства использовали информацию ЕМИСС, сформированную на основе годовой отчетности по форме 1-предприятие «Основные сведения о деятельности организации»[14]. Данные об обороте формируются на базе формы П-1 «Сведения о производстве и отгрузке товаров и услуг» и берутся на сайте ЕМИСС[15].

Объем теневых операций юридических лиц по разделу А ОКВЭД 2 в субъекте РФ вычисляется по формуле (5):

$$\text{ТЭ}_{it} = \text{ВДС}_{it} \times \beta_{it} \times \left(\frac{Z_{it}}{Q_{it}} \div \frac{Z_{rt}}{Q_{rt}}\right), \qquad (5)$$

где ТЭ_{it} – объем теневых операций юридических лиц по разделу А ОКВЭД 2 в i-м субъекте РФ в году t (руб.); ВДС_{it} – валовая добавленная стоимость по разделу А ОКВЭД 2 в i-м субъекте РФ в году t (руб.)[16]; β_{it} – корректировка ВДС на теневые операции юридических лиц в % к валовой добавленной стоимости по разделу А ОКВЭД 2 в году t в масштабах РФ, %[17]; Z_{it} и Z_{rt} – затраты на производство и реализацию продукции i-го субъекта РФ и РФ соответственно по разделу А ОКВЭД 2 в году t (руб.)[18]; Q_{it} и Q_{rt} – оборот организаций (без субъектов малого предпринимательства, банков страховых и прочих финансовых организаций) i-го субъекта РФ и России соответственно по разделу А ОКВЭД 2 в году t (руб.)[19].

[12]URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts
[13]Сухорукова Е., Губернаторов Е., Савкина А., Парфентьева И. Истина в зерне: почему ФСБ и ФНС массово проверяют агрохолдинги. РБК. 13.02.2019. [Электронный ресурс].
URL: https://www.rbc.ru/business/13/02/2019/5c63f1049a79474393c14800 (дата обращения: 03.11.2024).
[14]ЕМИСС. Затраты на производство и реализацию продукции (товаров, работ, услуг) с 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58552 (дата обращения: 02.11.2024).
[15]ЕМИСС. Оборот организаций с 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/57710# (дата обращения: 04.11.2024).
[16]ЕМИСС. Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2). [Электронный ресурс].
URL: https://www.fedstat.ru/indicator/61497 (дата обращения: 01.11.2024).
[17]Федеральная служба государственной статистики. Национальные счета. Валовой внутренний продукт. Произведенный ВВП. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 02.11.2024).
[18]ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58552
[19]ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/57710#

Доля теневой экономики по отношению к ВДС и объему теневой экономики по разделу А ОКВЭД 2 по субъектам РФ рассчитывается по формуле (6):

$$\text{ShEcon}_{it} = \frac{\text{ТЭ}_{it}}{\text{ВДС}_{it} + \text{ТЭ}_{it}} \times 100\%, \quad (6)$$

где ТЭ_{it} – объем теневых операций юридических лиц по разделу А ОКВЭД 2 в *i*-м субъекте РФ в году *t* (руб.); ВДС_{it} – валовая добавленная стоимость по разделу А ОКВЭД 2 в *i*-м субъекте РФ в году *t* (руб.).

Отличие методики, применяемой в настоящей статье, от работы [16] состоит, во-первых, в новом классификаторе – ОКВЭД 2[20], а не ОКВЭД ОК 029-2007[21]. Теперь в раздел А включаются рыболовство и рыбоводство, тогда как в предыдущем классификаторе ОКВЭД учитывались лишь сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство.

Во-вторых, в итоговой формуле рассчитывается доля теневой деятельности по отношению только к ВДС (без добавления в знаменатель объема теневой деятельности, поскольку Росстат уже учитывает ее в составе ВДС).

На основе полученных результатов формируются рейтинги субъектов РФ с самыми высокими и низкими долями теневой деятельности в ВДС по разделам ОКВЭД 2. Анализ проводили по 80 субъектам РФ за 2017–2022 гг. По причине отсутствия данных в выборку не попали новые территории, присоединенные к РФ в 2022 году.

Результаты и их обсуждение. В целом для российских регионов характерна слабая дифференциация по доле теневых операций юридических лиц в ВДС раздела А ОКВЭД 2, которая варьирует от 0,3 % в Еврейской автономной области до 4,1 % в Чукотском автономном округе. В последнем высокий показатель достигнут за счет низкой ВДС, на фоне которой объем теневых операций выглядит внушительным. Более того, в среднем за 2017–2022 годы сельскохозяйственные организации обеспечивают 93,0 % продукции сельского хозяйства региона. В Еврейской автономной области малый вклад сельскохозяйственных организаций в объем продукции сельского хозяйства (14,1 %) обусловливает низкую долю теневых операций юридических лиц в ВДС.

Уровень показателя выше умеренного (2,0–3,0 %) присущ регионам, где природно-климатические условия не позволяют достигать высокой ВДС в сельском хозяйстве (Тюменская область, Республики Коми, Саха (Якутия)). Есть и другая группа регионов со значениями выше умеренных, где, напротив, природно-климатические условия более благоприятны (Брянская, Липецкая, Тамбовская, Белгородская области, Ставропольский край). В этих регионах доминируют агрохолдинги, имеющие больше возможностей широкого использования механизмов налоговой оптимизации. В этой связи доля теневых операций в указанных субъектах РФ выше, несмотря на высокие абсолютные значения ВДС отрасли.

Подавляющая часть субъектов РФ отличается умеренным уровнем показателя (1,0–2,0 %). Это многочисленные субъекты РФ в Центральном, Приволжском, Северо-Западном, Сибирском ФО (рис. 1).

Для сравнения отраслей представим результаты по разделу С ОКВЭД 2 «Обрабатывающие производства». Юридические лица, ведущие деятельность в разделе С ОКВЭД 2, имеют бóльший объем теневых операций в сравнении с разделом А ОКВЭД 2. Соответственно разброс значений здесь больше. Республика Калмыкия занимает первую позицию в рейтинге субъектов РФ с самой высокой долей теневых операций юридических лиц по отношению к ВДС раздела С ОКВЭД 2 (10,1 % в среднем за 2017–2022 гг.). На втором месте – Архангельская область (5,3 %), на третьем – Республика Башкортостан и Амурская область (по 4,9 %) (рис. 2).

В 2017–2022 годах в России наблюдается нисходящая динамика доли теневых операций юридических лиц по отношению к валовой добавленной стоимости раздела А ОКВЭД 2.

Покажем эту динамику на примере субъектов Северо-Западного ФО. Если в Республике Коми в 2017 году этот показатель составлял 3,4 %, то по итогам 2022 года он сократился до 1,7 %, в Калининградской области уменьшился с 1,7 до 1,3 % за аналогичный период. В Новгородской, Вологодской, Ленинградской областях прослеживалась примерно схожая динамика с трендом на снижение доли теневых операций (рис. 3).

[20]Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОКВЭД ОК 029-2014. [Электронный ресурс]. URL: https://xn---2-dlci2ax1i.xn--p1ai/ (дата обращения: 01.11.2024).
[21]Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД). ОКВЭД ОК 029-2007. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200074342 (дата обращения: 01.11.2024).

Рис. 1. **Доля теневых операций юридических лиц по отношению к валовой добавленной стоимости раздела А ОКВЭД 2 «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» в субъектах РФ в среднем за 2017–2022 гг., % /**
Fig. 1. **The share of shadow transactions of legal entities in relation to the gross value added of section A of OKVED 2 "Agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming" in the constituent entities of the Russian Federation on average for 2017–2022, %**

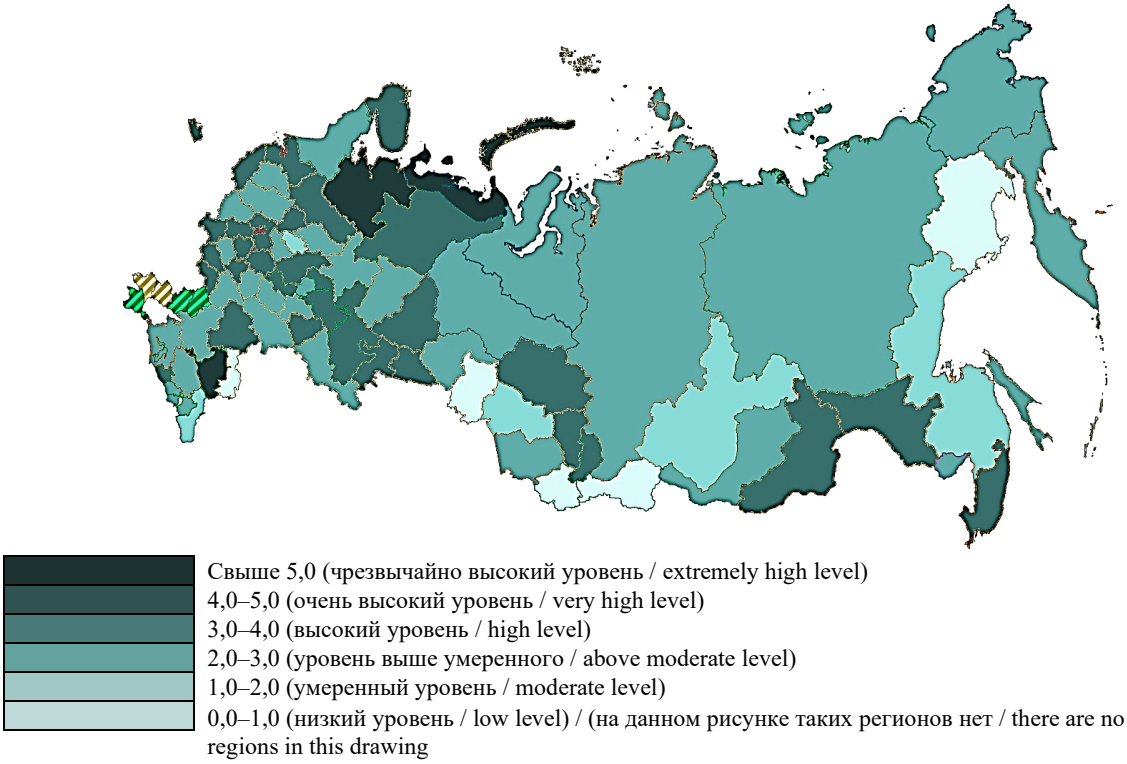

Рис. 2. **Доля теневых операций юридических лиц по отношению к валовой добавленной стоимости раздела С ОКВЭД 2 «Обрабатывающие производства» в субъектах РФ в среднем за 2017–2022 гг., % /**
Fig. 2. **The share of shadow transactions of legal entities in relation to the gross value added of section C of OKVED 2 "Manufacturing industries" in the constituent entities of the Russian Federation on average for 2017–2022, %**
Источник: составлено и рассчитано авторами на основе материалов ЕМИСС, Федеральной службы государственной статистики / *Source*: compiled and calculated by the authors based on materials from UIISS, the Federal State Statistics Service.
Примечание: Новые территории РФ после референдума 2022 года обозначены штриховкой /
Note: The new regions of the Russian Federation after the 2022 referendum are indicated by shading.

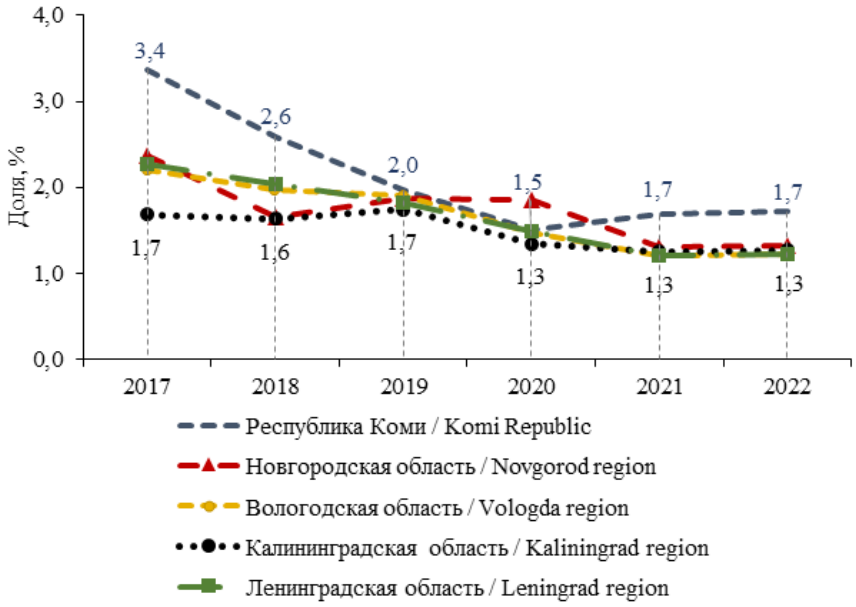

Рис. 3. **Доля теневых операций юридических лиц по отношению к валовой добавленной стоимости раздела А ОКВЭД 2 «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» в субъектах Северо-Западного ФО за 2017–2022 гг., % /**

Fig. 3. **The share of shadow transactions of legal entities in relation to the gross value added of section A of OKVED 2 "Agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming" in the constituent entities of the Northwestern Federal District in 2017–2022, %**

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе материалов ЕМИСС, Федеральной службы государственной статистики / *Source*: compiled and calculated by the authors based on materials from UIISS, the Federal State Statistics Service.

В Приволжском ФО вырисовывается схожая картина снижения доли теневых операций юридических лиц по отношению к валовой добавленной стоимости раздела А ОКВЭД 2, как и в Северо-Западном. К примеру, в Республике Марий Эл эта доля в 2022 году составила 1,4 % (против 4,7 % в 2017 году). В Нижегородской области сокращение достигло 1,3 % в 2022 году с 2,7 % в 2017 году. Кировская область продемонстрировала снижение показателя на 1,4 п. п. – до 1,3 % в 2022 году (рис. 4).

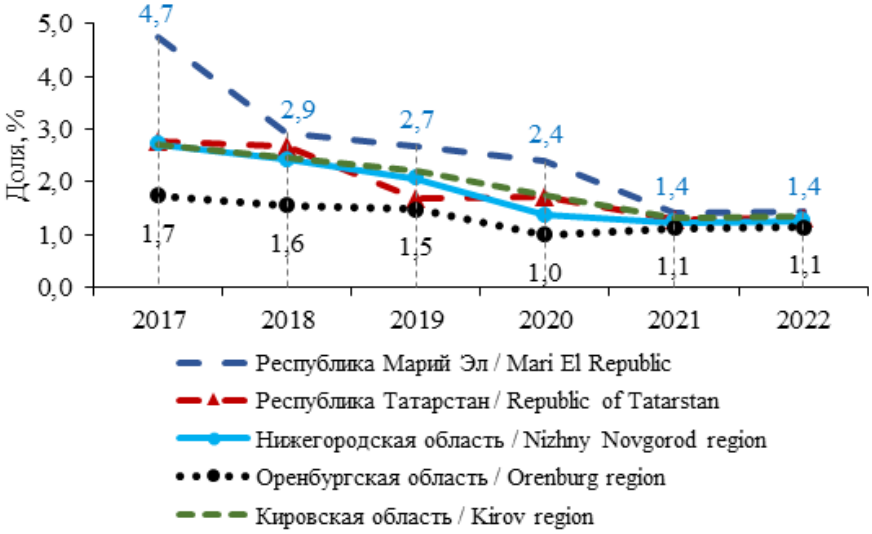

Рис. 4. **Доля теневых операций юридических лиц по отношению к валовой добавленной стоимости раздела А ОКВЭД 2 «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» в субъектах Приволжского ФО за 2017–2022 гг., % /**

Fig. 4. **The share of shadow transactions of legal entities in relation to the gross value added of section A of OKVED 2 "Agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming" in the constituent entities of the Volga Federal District in 2017–2022, %**

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе материалов ЕМИСС, Федеральной службы государственной статистики /

Source: compiled and calculated by the authors based on materials from UIISS, the Federal State Statistics Service.

Большинство субъектов РФ, лидирующих по вкладу в общероссийский объем теневых операций юридических лиц в разделе А ОКВЭД 2, также занимают высокие позиции по вкладу в валовую добавленную стоимость раздела А по России. Указанное справедливо для 7 из 10 лидирующих субъектов РФ: Краснодарского и Ставропольского краев, Республики Татарстан, Белгородской, Воронежской, Ростовской и Саратовской областей (табл.).

Группа субъектов РФ со средними по России значениями вклада в показатели сама по себе очень обширна. В частности, это Республика Мордовия, Рязанская, Калининградская области – они сопоставимы между собой по вкладу в общероссийскую ВДС раздела А ОКВЭД 2 (от 0,8 до 1,0 % в среднем за 2017–2022 гг.). Схожее наблюдение касается Пермского края, Кемеровской, Кировской, Калужской, Тверской областей, чей аналогичный показатель составляет 0,7 % (табл.).

Субъекты РФ с самыми низкими значениями вклада в общероссийский объем теневых операций юридических лиц по разделу А ОКВЭД 2: Костромская, Ивановская области, Чукотский автономный округ, республики Ингушетия, Бурятия, Хакасия, Тыва, Алтай, а также Еврейская автономная область (табл.).

Обсуждение результатов. В целом можно сделать вывод о наличии корреляции между вкладом субъектов РФ в общероссийский объем теневых операций юридических лиц раздела А ОКВЭД и вкладом в валовую добавленную стоимость раздела А по России. Корреляция вызвана большими абсолютными объемами валовой добавленной стоимости, которым, как правило, сопутствует значительный объем теневых операций в абсолютном выражении.

Полученные результаты (рис. 3, 4) также являются следствием снижения показателя корректировки валовой добавленной стоимости на теневые операции юридических лиц по разделу А ОКВЭД 2. При дальнейшем распространении цифровых решений можно ожидать низкие масштабы теневой экономики среди юридических лиц в сельском хозяйстве. Во-первых, именно юридические лица подвергаются большему контролю со стороны налоговых органов, что также может объяснять сравнительно низкий уровень теневой экономики, оцененный в соответствии с нашей методикой. Во-вторых, они в первую очередь подпадают под сферу контроля со стороны федеральных государственных информационных систем (ФГИС «Зерно», ФГИС «Сатурн», ФГИС «ВетИС», ЕФИС ЗСН и др.). Без регистрации продукции в государственных информационных системах ее реализация в официальных каналах невозможна. С каждым годом охват их контролем расширяется, а риск выявления теневого оборота усиливается. Несоблюдение правил ведения документации, учета продукции чревато серьезным ущербом для бизнеса, вплоть до его приостановки судебным решением. В этой связи неудивителен вывод о сокращении масштабов теневой экономики среди юридических лиц.

Обратим внимание на проблему достоверности статистических данных о продукции сельского хозяйства в России. Как правило, после Всероссийских сельскохозяйственных переписей данные Росстата о сельскохозяйственном производстве пересматриваются, причем изменения происходят в сторону снижения. Данные меняются не только по хозяйствам населения, учет производства в которых затруднен, но и в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах. Важно объяснить это явление, предполагая, что официальные данные учитывают теневую деятельность сельскохозяйственных организаций. Так, в данных о валовой добавленной стоимости сельского хозяйства, публикуемых Росстатом, уже учтена теневая экономическая деятельность.

После Всероссийских сельскохозяйственных переписей данные о сельскохозяйственном производстве пересматриваются в сторону снижения, так как изначально эти данные были искажены из-за «приписок»[22]. Причем «приписки» относятся главным образом к продукции хозяйств населения, поскольку впоследствии по ним сложнее выявить манипуляции с данными[23]. Они подвергаются лишь выборочным обследованиям, не дающим полной картины по объемам продукции. А сельскохозяйственные организации подпадают под сплошной учет статистическими органами, поэтому информация по ним более прозрачная и достоверная, ее сложнее искажать.

[22]Комментарий. Когда начинаются проблемы в отрасли, возникают претензии к статистике. KVEDOMOSTI.RU. 09.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://agro.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1718578.pdf (дата обращения: 06.11.2024).
[23]Комментарий. Узун: причины завышения данных аграрной статистики: плохая методология или приписки? KVEDOMOSTI.RU. 10.01.2019. [Электронный ресурс].
URL: https://agro.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1718578.pdf (дата обращения: 06.11.2024).

Таблица – **Вклад субъектов РФ в общероссийский объем теневых операций юридических лиц и в валовую добавленную стоимость раздела А ОКВЭД в среднем за 2017–2022 годы, % /**
Table – **Contribution of the constituent entities of the Russian Federation to the all-Russian volume of shadow transactions of legal entities and to the gross value added of section A of OKVED on average for 2017–2022, %**

Субъекты РФ / Constituent entities of the RF	*Вклад субъектов РФ в общероссийский объем теневых операций юридических лиц раздела А ОКВЭД 2 / Contribution of the constituent entities of the RF to the all-Russian volume of shadow transactions of legal entities, section A of OKVED*	*Вклад субъектов РФ в общероссийскую ВДС раздела А ОКВЭД 2 / Contribution of the constituent entities of the RF to the all-Russian GVA, section A of OKVED*
Субъекты РФ с самыми высокими значениями вклада в показатели / Constituent entities of the RF with the highest contribution to indicators		
Краснодарский край / Krasnodar Krai	5,5	6,6
Белгородская область / Belgorod region	4,8	3,9
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	3,9	3,6
Воронежская область / Voronezh region	3,6	3,5
Ставропольский край / Stavropol Krai	3,5	2,7
Челябинская область / Chelyabinsk region	3,3	1,9
Ростовская область / Rostov region	3,1	4,5
Тамбовская область / Tambov region	3,0	2,4
Саратовская область / Saratov region	2,6	2,5
Брянская область / Bryansk region	2,6	1,7
Субъекты РФ со средними по России значениями вклада в показатели / Constituent entities of the RF with the moderate contribution to indicators		
Самарская область / Samara region	1,0	1,8
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	1,0	0,9
Рязанская область / Ryazan region	0,5	1,0
Тульская область / Tula region	0,9	1,1
Пермский край / Perm Krai	0,8	0,7
Кемеровская область / Kemerovo region	0,8	0,7
Кировская область / Kirov region	0,8	0,7
Калужская область / Kaluga region	0,7	0,7
Тверская область / Tver region	0,7	0,7
Калининградская область / Kaliningrad region	0,7	0,8
Вологодская область / Vologda region	0,6	0,7
Субъекты РФ с самыми низкими значениями вклада в показатели / Constituent entities of the RF with the lowest contribution to indicators		
Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	0,2	0,5
Костромская область / Kostroma region	0,2	0,3
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	0,2	0,2
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	0,2	0,3
Республика Северная Осетия – Алания / Republic of North Ossetia – Alania	0,2	0,5
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Okrug	0,1	0,1
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	0,1	0,2
Ивановская область / Ivanovo region	0,1	0,2
Республика Тыва / Republic of Tyva	0,1	0,1
Республика Алтай / Republic of Altai	0,1	0,2
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	0,0	0,1

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе материалов ЕМИСС, Федеральной службы государственной статистики / *Source*: compiled and calculated by the authors based on materials from UIISS, the Federal State Statistics Service.

Из вышесказанного следует, что полученные нами данные о масштабах теневой экономики среди сельскохозяйственных организаций можно считать достоверными. Согласно нашим расчетам, указанные масштабы невелики, и они, вероятнее всего, значительно уступают объемам «приписок» продукции сельского хозяйства.

В используемой нами методике в показателе «оборот организаций» представлен оборот сельскохозяйственных организаций без учета субъектов малого предпринимательства. Аналогичное замечание касается показателя «затраты на производство и реализацию продукции (товаров, работ, услуг)». Ученые [16, 17], занимающиеся оценкой теневой составляющей, считают, что как раз предприятия малого предпринимательства дают основной вклад в теневую деятельность. К. С. Ладыгина на данных по предприятиям обрабатывающей промышленности России доказывает, что чем крупнее предприятие, тем реже оно фальсифицирует отчетность [18]. По сравнению с крупными предприятиями, значимо чаще фальсифицируют отчетность малые фирмы, в то время как средние фирмы демонстрируют примерно такой же уровень, что и крупные [18]. Одной из целей фальсификации отчетности может являться снижение налогооблагаемой базы фирмы.

Особенностью авторской методики является фокус на *теневой экономике*, а не на *ненаблюдаемой*. Это означает, что она не рассматривает субъектов неформального сектора (хозяйств населения, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей (К(Ф)Х и ИП)), которые вносят большой вклад в формирование *ненаблюдаемой экономики* в сельском хозяйстве. В результате регионы, в структуре сельскохозяйственного производства которых превалируют хозяйства населения, имеют более низкий показатель теневой экономики (поскольку она по определению не охватывает субъектов неформального сектора). Это, прежде всего, Астраханская область (доля хозяйств населения в продукции сельского хозяйства в среднем за 2017–2022 гг. – 40,9 %), Республика Калмыкия (48,5 %), Республика Дагестан (76,4 %), Республика Ингушетия (51,0 %), Республика Северная Осетия – Алания (56,5 %), Республика Тыва (73,6 %), Республика Алтай (56,6 %), Хабаровский край (78,8 %).

И наоборот, при преобладании сельскохозяйственных организаций в структуре сельскохозяйственного производства регионы получают более высокое значение показателя. Среди таких можно назвать, в частности, Брянскую (доля сельскохозяйственных организаций в продукции сельского хозяйства в среднем за 2017–2022 гг. – 73,8 %), Белгородскую (86,6 %), Липецкую (76,2 %), Тамбовскую (73,4 %), Челябинскую (60,4 %), Тюменскую (61,1 %), Свердловскую (61,7 %) области, Пермский (64,8 %), Ставропольский (68,2 %) края, республики Марий Эл (70,1 %), Удмуртия (66,3 %).

В рамках приоритезации борьбы с теневой экономикой более пристальное внимание следует уделять тем регионам, где уровень теневой экономики значительно превышает среднероссийский показатель.

Заключение. Применение метода досчета на основе данных Росстата позволило получить оценки региональных масштабов теневой экономики в сельском хозяйстве России. В результате выявлена тенденция снижения ее масштабов, если учитывать ее относительно валовой добавленной стоимости раздела А ОКВЭД 2. Более того, для большинства регионов характерен умеренный уровень теневой экономики в сельском хозяйстве. При сопоставлении с другими разделами ОКВЭД 2 (например, С) можно заключить, что ситуация в целом более благоприятная. Это обусловлено особенностью расчета показателя, включающего теневые операции только среди юридических лиц. Использование нашего подхода может приводить к занижению оценок теневой экономики, так как он не учитывает ее среди сельскохозяйственных организаций, относящихся к субъектам малого предпринимательства, а также среди крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей. Регионы, где в структуре производства доминируют хозяйства населения, имеют более низкий уровень теневой экономики согласно нашим результатам.

При соотнесении вклада субъектов РФ в общероссийский объем теневых операций юридических лиц раздела А ОКВЭД 2 со вкладом в валовую добавленную стоимость раздела А по России найдена корреляция. Она обусловлена значительными абсолютными объемами валовой добавленной стоимости, которые, как правило, сопровождаются высоким абсолютным объемом теневых операций.

Список литературы

1. Светлаков А. Г., Ширинкина Н. И. Методические особенности оценки уровня криминализации АПК региона. Аграрный вестник Урала. 2013;(5(111)):82–84. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=20264776 EDN: RBLUUP

2. Якубович Е. Н. Теневая экономика в аграрном секторе страны. Никоновские чтения. 2015;(20-1)83–86. Режим доступа: https://elibrary.ru/vzkzdz EDN: VZKZDZ

3. Троценко В. М. Противодействия теневым процессам как основа обеспечения экономической безопасности в агропромышленном комплексе. Московский экономический журнал. 2019;(9):197–204. DOI: https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-19032 EDN: IRBSNT

4. Светлаков А. Г., Воронин Б. А., Воронина Я. В. Совершенствование системы декриминализации сферы АПК региона. Аграрный вестник Урала. 2018;(12(179)):74–81. DOI: https://doi.org/10.32417/article_5c407a7bab6b63.59604647 EDN: ZAEPHV

5. Федотов Д. Ю., Невзорова Е. Н., Орлова Е. Н. Налоговый метод расчета величины теневой экономики российских регионов. Региональная экономика: теория и практика. 2017;15(11):2015–2032. DOI: https://doi.org/10.24891/re.15.11.2015 EDN: ZSJGNN

6. Криворотов В. В., Калина А. В., Подберезная М. А. Оценка масштабов распространения теневой экономики на региональном уровне. Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2019;18(4):540–555. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=39950865 EDN: KLDBFC

7. Невзорова Е. Н., Киреенко А. П., Майбуров И. А. Пространственные взаимосвязи и закономерности распространения теневой экономики в России. Экономика региона. 2020;16(2):464–478. DOI: https://doi.org/10.17059/2020-2-10 EDN: FDHSBL

8. Беркович М. И., Шурыгин А. А. Теневая экономика в России: экономико-статистическая оценка масштаба и меры по его сокращению в стране и регионах. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021;14(5):70–84. DOI: https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.4 EDN: MUMLQL

9. Измерение ненаблюдаемой экономики: руководство. Пер. с англ. М.: Статистика России (ОИПД ГМЦ Госкомстата России), 2003. 295 с. Режим доступа: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2007/04/noe/zip.30.r.pdf

10. Williams C. C. Evaluating the magnitude of the shadow economy: a direct survey approach. Journal of Economic Studies. 2006;33(5):369–385. DOI: https://doi.org/10.1108/01443580610706591

11. Putniņš T. J., Sauka A. Measuring the shadow economy using company managers. Journal of Comparative Economics. 2015;43(2):471–490. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.04.001

12. Fleming M. H., Roman J., Farrell G. The shadow economy. Journal of International Affairs. 2000;53(2):387–409. URL: https://www.researchgate.net/publication/28575188_The_Shadow_Economy

13. Kaufmann D., Kaliberda A. Integrating the unofficial economy into the dynamics of post socialist economies: a framework of analyses and evidence. Policy research working paper 1691. Washington, D.C.: The World Bank, 1996. 44 p. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/145671468771609920/Integrating-the-unofficial-economy-into-the-dynamics-of-post-socialist-economies-a-framework-of-analysis-and-evidence

14. Киселев С. В., Филимонов И. В., Самсонов В. А., Сеитов С. К. Влияние цифровизации на теневую экономику сельского хозяйства в Российской Федерации. Ars administrandi (Искусство управления). 2024;16(2):240–260. DOI: https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-2-240-260 EDN: QNDOHT

15. Самсонов В. А., Сеитов С. К. Оценка вклада теневой экономики в макроэкономические показатели регионов Российской Федерации. Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2022;14(1):68–85. DOI: https://doi.org/10.38050/2078-3809-2022-14-1-68-85 EDN: VMORUD

16. Седова Н. В., Назаренко А. А. Распространение теневых операций среди субъектов малого и среднего предпринимательства как угроза экономической безопасности Российской Федерации. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018;14(12):2244–2258. DOI: https://doi.org/10.24891/ni.14.12.2244 EDN: YPOHHN

17. Тимакова Р. Т., Минин Е. Д. Взаимосвязь теневой экономики и сектора малого и среднего предпринимательства в современных условиях. Теневая экономика. 2022;6(4):167–180. DOI: https://doi.org/10.18334/tek.6.4.116424 EDN: AECENW

18. Ладыгина К. С. Фальсификация бухгалтерской отчетности на предприятиях обрабатывающей промышленности в 2012–2019 гг. Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2024;59(3):234–256. DOI: https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-3-11 EDN: BFGHUT

References

1. Svetlakov A. G., Shirinkina N. I. The features of occurrence of shadow phenomena in modern conditions of functioning of agribusiness in the regional agroindustrial complex. *Agrarnyy vestnik Urala* = Agrarian Bulletin of the Urals. 2013;(5(111)):82–84. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20264776

2. Yakubovich E. N. The shadow economy in the agricultural sector of the country. *Nikonovskie chteniya*. 2015;(20-1)83–86. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/vzkzd

3. Trotsenko V. M. Counteraction to shadow processes as the basis for ensuring economic security in the agro-industrial complex. *Moskovskiy ekonomicheskiy zhurnal* = Moscow journal. 2019;(9):197–204. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-19032

4. Svetlakov A. G., Voronin B. A., Voronina Ya. V. Improvement of the decriminalization system areas of agriculture in the region. *Agrarnyy vestnik Urala* = Agrarian Bulletin of the Urals. 2018;(12(179)):74–81. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.32417/article_5c407a7bab6b63.59604647

5. Fedotov D. Yu., Nevzorova E. N., Orlova E. N. A tax method to calculate the value of the shadow economy of Russian regions. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* = Regional Economics: Theory and Practice. 2017;15(11):2015–2032. (In Russ.). DOI: https://.org/10.24891/re.15.11.2015

6. Krivorotov V. V., Kalina A. V., Podbereznaya M. A. Evaluation of the prevalence of the shadow economy at the regional level. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie*. 2019;18(4):540–555. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=39950865

7. Nevzorova E. N., Kireenko A. P., Mayburov I. A. Spatial correlation and distribution of the shadow economy in Russia. *Ekonomika regiona* = Economy of Regions. 2020;16(2):464–478. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.17059/2020-2-10

8. Berkovich M. I., Shurygin A. A. Shadow economy in Russia: economic and statistical assessment of its scale and the ways of its reduction in the country and regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2021;14(5):70–84. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.4

9. Measuring the unobserved economy: a guide. Translated from English. Moscow: *Statistika Rossii (OIPD GMTs Goskomstata Rossii)*, 2003. 295 p. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2007/04/noe/zip.30.r.pdf

10. Williams C. C. Evaluating the magnitude of the shadow economy: a direct survey approach. Journal of Economic Studies. 2006;33(5):369–385. DOI: https://doi.org/10.1108/01443580610706591

11. Putniņš T. J., Sauka A. Measuring the shadow economy using company managers. Journal of Comparative Economics. 2015;43(2):471–490. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.04.001

12. Fleming M. H., Roman J., Farrell G. The shadow economy. Journal of International Affairs. 2000;53(2):387–409. URL: https://www.researchgate.net/publication/28575188_The_Shadow_Economy

13. Kaufmann D., Kaliberda A. Integrating the unofficial economy into the dynamics of post socialist economies: a framework of analyses and evidence. Policy research working paper 1691. Washington, D.C.: The World Bank, 1996. 44 p. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/145671468771609920/Integrating-the-unofficial-economy-into-the-dynamics-of-post-socialist-economies-a-framework-of-analysis-and-evidence

14. Kiselev S. V., Filimonov I. V., Samsonov V. A., Seitov S. K. Digitalization impact on shadow economy of agriculture in the Russian Federation. Ars administrandi (*Iskusstvo upravleniya*). 2024;16(2):240–260. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-2-240-260

15. Samsonov V. A., Seitov S. K. Assessment of the contribution of the shadow economy to the macroeconomic indicators of the regions of the russian federation. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal* = Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal. 2022;14(1):68–85. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.38050/2078-3809-2022-14-1-68-85

16. Sedova N. V., Nazarenko A. A. The spread of informal transactions among small and medium-sized businesses as a threat to the economic security of the Russian Federation. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* = National Interests: Priorities and Security. 2018;14(12):2244–2258. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24891/ni.14.12.2244

17. Timakova R. T., Minin E. D. The relationship of the shadow economy and the sector of small and medium -sized enterprises in modern conditions. *Tenevaya ekonomika* = Shadow Economy. 2022;6(4):167–180. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.18334/tek.6.4.116424

18. Ladygina K. S. Falsification of financial statements in Russian manufacturing enterprises in 2012–2019. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = *Moscow University Economics Bulletin*. 2024;(3):236-258. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-3-11

Сведения об авторах

Киселев Сергей Викторович, доктор экон. наук, профессор, заведующий кафедрой агроэкономики экономического факультета, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», ведущий научный сотрудник Евразийского центра по продовольственной безопасности МГУ имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, 3-й новый учебный корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119991, e-mail: agroecon.econ@org.msu.ru, **ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9519-1505**

✉ **Сеитов Санат Каиргалиевич,** кандидат экон. наук, инженер 2-й категории кафедры агроэкономики экономического факультета, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», научный сотрудник Евразийского центра по продовольственной безопасности МГУ имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, 3-й новый учебный корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119991, e-mail: agroecon.econ@org.msu.ru, **ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6505-1712,** e-mail: sanatren@mail.ru

Самсонов Валерий Альбертович, инженер 2-й категории лаборатории учебной и научной печати экономического факультета, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Ленинские горы, д. 1, стр. 46, 3-й новый учебный корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119991, **ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7078-9420**

Филимонов Илья Валерьевич, кандидат экон. наук, ассистент кафедры философии и методологии экономики экономического факультета, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Ленинские горы, д. 1, стр. 46, 3-й новый учебный корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119991, **ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1684-5142**

Information about the authors

Sergey V. Kiselev, DSc in Economics, Professor, Head of the Department of Agroeconomics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher, Eurasian Center for Food Security, Lomonosov Moscow State University, 1, building 46, 3rd New Academic Building, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: agroecon.econ@org.msu.ru, **ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9519-1505**

✉ **Sanat K. Seitov,** PhD in Economics, 2nd Category Engineer, Department of Agroeconomics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Researcher, Eurasian Center for Food Security, Lomonosov Moscow State University, 1, building 46, 3rd New Academic Building, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: agroecon.econ@org.msu.ru, **ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6505-1712,** e-mail: sanatren@mail.ru

Valery A. Samsonov, 2nd Category Engineer, Laboratory of Training and Research Press Laboratory, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 1, building 46, 3rd New Academic Building, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991, **ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7078-9420**

Ilya V. Filimonov, PhD in Economics, Assistant, Department of Philosophy and Methodology of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 1, building 46, 3rd New Academic Building, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991, **ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1684-5142**

✉ – Для контактов / Corresponding author